
ИСТОРИЯ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

П. А. КУЦЕНКОВ

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАТОПСИХОЛОГИЯ (ПЕРЕЛИСТЫВАЯ КНИГУ Б. Ф. ПОРШНЕВА «О НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»)

Разделяя взгляды Е. С. Молчановой и И. В. Добрякова (2008), автор напоминает почти забытое имя основателя отечественной исторической психологии – Б. Ф. Поршнева, более 30 лет назад впервые обосновавшего возможность использования эволюционной патопсихологии как исторического источника.

В первом номере ИПСИ опубликована весьма интересная и поучительная статья Е. С. Молчановой и И. В. Добрякова «Идеологический кризис в психиатрии». Описывая кризис современной психиатрии, авторы выходят на проблему эволюционной (можно также сказать – исторической) патопсихологии: «...психические болезни суть архаичные выражения психической нормы. У наших предков эти формы были, безусловно, адаптивны, а у современного человека являются атавизмами. Подобным образом трактуются, например, признаки импульсивного расстройства. Они представляются проявлением незрелых форм эмоциональной регуляции, типичных для пока еще недостаточно социализированного первобытного охотника, который не столь нуждался в механизмах сознательного контроля своих реакций, как цивилизованный человек. Появление психопатологического симптома можно считать *регрессом на более раннюю ступень эволюции*, и, осмелимся продолжить начатую мысль, изучение клинической картины некоторых психических расстройств может дать представление о том, как чувствовали, взаимодействовали друг с другом, воспринимали, обрабатывали и воспроизводили информацию наши далекие предки» (Молчанова, Добряков 2008: 164).

На следующей странице авторы формулируют свою мысль еще яснее: «Психическое расстройство – это либо изменение количест-

венных характеристик нормального функционирования, либо регресс к более ранним уровням адаптации, либо необходимая дань, которую пришлось заплатить для выживания человека как биологического вида» (Молчанова, Добряков 2008: 165).

А вот еще одна цитата: «Психически больные люди – это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида – палеоантропов. Речь идет ни в коем случае не о широком комплексе, тем более не о полноте черт этой предковой формы, а лишь о некоторых признаках, самое большее – о группе необходимо коррелированных признаков. Точно так же у других человеческих особей воспроизводится, скажем, обволошение тела без всяких других неандерталоидных симптомов, у иных – некоторые другие черты морфологии» (Поршнева 2007: 399).

Этот отрывок, который в контексте статьи Молчановой и Добрякова воспринимается как современный, написанный только что, на самом деле впервые опубликован почти тридцать пять лет назад. Принадлежит он перу выдающегося отечественного историка Б. Ф. Поршнева, чья книга «О начале человеческой истории» с большими сокращениями была издана в 1974 году¹, спустя два года после смерти автора. По свидетельствам родственников и людей, близко знавших Бориса Федоровича, причиной его смерти стал шок, который он испытал после того, как в издательстве «Мысль» был рассыпан первый набор его книги.

Но и публикация «О начале человеческой истории» не прорвала заговор молчания, который при жизни окружал труды автора по палеопсихологической проблематике. Многие археологи, этнографы и историки, занятые изучением первобытного прошлого человечества, делали и продолжают делать вид, что такой книги нет – слишком уж она неудобна. При жизни Поршнева прекрасным поводом для ее замалчивания был далеко не ортодоксальный марксизм Бориса Федоровича и, действительно, чрезмерное увлечение проблемой «снежного человека», сейчас – нежелание что-либо менять в устоявшихся взглядах. Примером сознательного (чтобы не сказать злонамеренного) искажения всего смысла деятельности Поршнева может служить следующий отрывок: «Чем же занимается Б. Ф. Поршнева? Во-первых, он издает четыре сборника, запол-

---

¹ Полный текст книги, восстановленный по авторской рукописи, опубликован в 2007 году в петербургском издательстве «Алетейя». Тут уместно отметить роль научного редактора издания Олега Вите – книга вышла в свет исключительно благодаря его усилиям.

ненных рассказами очевидцев, сталкивавшихся якобы в ущельях Кавказа и Средней Азии не то с дикими людьми, не то с обезьянами, и перепечатывает письма информаторов, слышавших про таких “алмасты”, “гульбияванов” и т. д. Во-вторых, он коллекционирует рисунки всяческих двуногих чудовищ на памятниках искусства разных эпох и территорий. В-третьих, делает выписки на ту же тему из древних источников и дневников путешественников. Все это сводится воедино и провозглашается: рядом с нами живут неандертальцы» (Формозов 2005).

На самом деле перу Поршнева принадлежат более 300 работ, из них по проблемам доистории и палеопсихологии – больше 30. Лишь немногие из них посвящены реликтовым палеоантропам («снежному человеку»). Относительно последних Поршневу действительно полагал, что они могли сохраниться в труднодоступных местах Земли. В этой мысли нет ничего, выходящего за академические рамки: если с баснословной древности сохранились кистеперые рыбы, до сих пор благополучно плавающие в Индийском океане, то почему следует исключить возможность выживания палеоантропов, бывших современниками *Homo sapiens sapiens*?

При этом книгу Поршнева знают. Как рассказывал автору О. Вите, в процессе подготовки нового издания он обращался за консультациями к этнографам и археологам, и выяснялось, что все они Поршнева читали!

Так что упрекать Молчанову и Добрякова в незнании этой книги нельзя – коллеги-историки (а археологи в особенности) сделали все для того, чтобы «О начале человеческой истории» оставалась неизвестной никому, кроме узкого круга «посвященных».

Другое важно: усилиями Поршнева и историческая психология, и эволюционная патопсихология уже больше тридцати лет назад ушли очень далеко. Так далеко, что современная Поршневу наука была просто не в состоянии усвоить его методику и выводы. Тем более обидно, что теперь, когда историческая психология вообще и эволюционная патопсихология в частности, наконец-то, становятся востребованными со стороны историков, мало кто знает труды фактического основоположника этой дисциплины.

Для психологов эволюционный подход к патопсихологии далеко не нов. С историками дело обстоит иначе. И именно как историк теоретическую основу эволюционной патопсихологии сформулировал Поршневу. Она может быть сведена к утверждению: современная психическая патология – это то, что было нормой на том

или ином этапе эволюции вида *Homo sapiens sapiens*. Соответственно перед историками открываются широчайшие возможности для реконструкции прошлого.

За тридцать с лишним лет, что прошли после первой публикации «О начале человеческой истории», взгляды на происхождение человека претерпели значительные изменения и пополнились новыми данными, которые подчас вроде бы полностью опровергают отдельные положения концепции Поршнева.

Самое важное – то, что сейчас можно считать установленным очень давнее происхождение вида *Homo sapiens sapiens*: он появился в промежутке от 250 до 150 тыс. лет назад в Северо-Восточной Африке (в 70-х годах прошлого века считалось, что вид сформировался 60–40 тыс. лет назад). Второе важнейшее открытие – довольно убедительное установление генетикой того факта, что *Homo sapiens neanderthalensis* не был прямым биологическим предком современного человека. По Поршневу же, современный человек первоначально эволюционировал именно внутри сообществ неандертальцев. Очень многие важные положения его гипотезы основаны на такой, как теперь выяснилось, ложной точке зрения. (И в то время, когда писалась книга Поршнева, это утверждение вызывало вполне обоснованные сомнения, причем основанием для них было продолжительное сосуществование в палеолитической Европе неантропа и классического неандертальца.)

Тем не менее, несмотря на несоответствие отдельных положений (в том числе и очень важных) гипотезы антропогенеза Поршнева некоторым теперь уже прочно установленным фактам, основная идея осталась неопровергнутой. Больше того – в некоторых пунктах Борис Федорович оказался прав даже более, чем думал он сам.

Так, полагая, что окончательно современный человек сложился около 25–20 тыс. лет назад, «и только такова максимальная длительность человеческой истории» (Поршнев 2007: 12), Поршнев даже слишком «оптимистично» оценивал возможности палеолитического человечества. После того, как продолжительность существования нашего биологического вида выросла до 150–250 тыс. лет, его мысль относительно совершенно нечеловеческих темпов эволюции в нижнем и среднем палеолите получает еще большее значение²: «Надо представить себе, на какое число поколений прихо-

---

² Установление столь продолжительного времени существования неантропа, между прочим, делает ненужным введение между нижним и верхним палеолитом промежуточной

дятся прогрессивные сдвиги в технической эволюции палеолита. “Поколение” мы условно определяем отрезком времени в 30 лет, как это принято в демографии (таким образом, от начала Римской империи или от начала “нашей эры” до нашего времени сменилось менее 70 поколений). На историю изменений в технике, морфологии, наборе изделий нижнего палеолита (включая галечные орудия олдовайского времени) падает цифра минимум порядка 50000 поколений. Если мы разобьем этот нижнепалеолитический прогресс даже на 20 условных этапов (что дает дробную шкалу мельчайших уловимых археологических сдвигов), то на каждый этап придется величина порядка 2500 поколений. Это значит, что на жизнь каждого поколения приходится неуловимая, менее чем двухтысячная доля из этого почти неуловимого сдвига, что несоизмеримо ни с каким явлением сознания, т. е. с психологической точки зрения равно нулю...

Результат принципиально того же рода получается при соответствующих расчетах и для среднего палеолита, хотя длительность его раз в 7–8 короче, а технические сдвиги и многообразие форм богаче, чем в нижнем палеолите. Все равно, разделив его историю соответственно на 4000–5000 поколений, мы увидим, что и на малейший сдвиг приходится величина порядка 200–300 поколений, что несоизмеримо с процессами индивидуального сознания и речевой информативной коммуникации. Тут перед нами явления этологического порядка» (Поршнева 2007: 226).

Но поскольку продолжительность существования нашего биологического вида в эпоху палеолита вполне сопоставима по длительности со средним палеолитом, то придется признать, что палеолитический *Homo sapiens sapiens* мало отличался от неандертальца; следовательно, его поведение по меньшей мере на протяжении 100 тыс. лет тоже следует отнести к «явлениям этологического порядка».

Именно это обстоятельство и вносит существенные коррективы в гипотезу Поршнева: обозначенные им явления первобытной психики перемещаются из мира палеоантропов (неандертальцев) к ранним неантропам. Тем более, что в последние годы XX – начале XXI веков многие качества, которые ранее считались исключи-

---

эпохи – среднего палеолита, поскольку верхним рубежом последнего считалось время появления вида *Homo sapiens sapiens*: получается, что неантроп и палеоантроп были практически современниками.

тельно человеческим достоянием, были зафиксированы в поведении шимпанзе: выяснилось, что они устраивают загонные охоты (причем с применением «копий»); орудия труда шимпанзе не только разные в разных популяциях, но еще и эволюционировали на протяжении минимум 4 тыс. лет (Pruetz, Bertolani 2007; Mercader *et al.* 2007). Соответственно резко сокращается дистанция между архантропом, палеоантропом и палеолитическим неантропом, но при этом все более явственно обозначается настоящая пропасть, отделяющая человека мезолита от палеолитического кроманьонца. Соответственно в словах Поршнева о психической патологии как воспроизведении «в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида – палеоантропов» последних смело можно заменить на «ранних неантропов».

Некоторые аспекты их поведения Поршневым реконструировал достаточно убедительно, другие (в особенности это касается взаимодействия людей и неандертальцев) – не очень. Тем не менее, ключевое положение гипотезы о речи как центральном звене психики человека остается незыблемым.

Большинство не слишком убедительных построений Поршнева были основаны на ошибочной, как уже говорилось выше, посылке: биологическим предком современного человека был неандерталец. Соответственно автор должен был показать, как шла дивергенция палеоантропа и неантропа. Этой проблеме, как теперь выяснилось, мнимой, посвящена 9 глава книги «О начале человеческой истории» (Поршневым 2007: 380–407). Те явления дивергенции, что были реконструированы Поршневым, видимо, действительно имели место, только проходили они внутри нового вида, состоявшего из нескольких типов по степени сапиентизации. Что касается неандертальцев, то они в формировании человека никакого участия не принимали и, вероятно, должны быть вынесены за скобки процесса первоначального общения людей и эволюции их психики и мышления³.

Считая речь основным звеном человеческой психики и единственным средством регуляции человеческого поведения⁴, Поршневым

---

³ Взаимоотношения *Homo sapiens neanderthalensis* и *Homo sapiens sapiens* представляют собой сложную и важную, но не имеющую прямого отношения к эволюции собственно человека проблему (Долуханов 1999: 348).

⁴ В этом Поршневым не одинок. Британский психолог Н. Хамфри пришел к тому же выводу: речь – главное звено психики человека, и именно ее отсутствие предопределило, например, специфику искусства палеолита. Сделал свои выводы Хамфри совершенно независимо от Поршнева, и главное – на совершенно ином материале (Humphrey 1998).

сосредоточил внимание на той роли, которую она играла в первоначальном человеческом обществе, причем для реконструкции этой роли он использовал то, что теперь мы назвали бы эволюционной патопсихологией. Поэтому очень большое внимание он уделил афазиям: «...афазии не просто поломки, т. е. не просто уничтожение чего-то, но они возбуждение чего-то, а именно: возбуждение некоторых мозговых механизмов, которые в норме (вне поломки) подавлены, не возбуждаются, “загнаны вглубь”, перекрыты более поздними образованиями» (Поршнева 2007: 427).

По мнению Поршнева, «в норме позднейшие слои и образования коры подавляют или преобразуют эти ранние функциональные системы, обнаруживающиеся ясно и изолированно только в патологии. С развитием вида *Homo sapiens* происходило морфологическое и функциональное подтягивание более ранних второсигнальных зон и систем к уровню позднейших» (Там же: 427–428). Поэтому «афазиологии суждено стать бесценным источником научных знаний о пути, генетически пройденном второй сигнальной системой. Первую часть этого пути составляет фаза, когда она, собственно, не была средством “отражения” чего-либо из предметной среды, а была реагированием лишь на специфические воздействия людей, причем автоматическим (роковым), как, скажем, взаимосвязь органов внутри организма, т. е. принадлежала к бытию, а не к сознанию или познанию» (Там же: 428).

Следует отметить, что мысли, в той или иной степени созвучные поршневым, высказывались психологами задолго до написания «О начале человеческой истории». Так, выдающийся отечественный ученый Н. А. Бернштейн (1997: 188) писал: «Несомненно, что и исторические иероглифы египтян и китайцев возникли не в результате чисто интеллектуалистически продуманной условной символики, а в порядке слитного, синкретического мышления более примитивного типа, которое в ту пору могло проявиться и в соответственных синтетических графических координациях в норме, а в наше время всплывает тут и там в патологических случаях, как и еще многие другие формы примитивного мышления, а может быть, и моторики». Может быть, следующее высказывание основано на недостаточном знании мною сугубо психологической литературы, но я не могу припомнить работ, где предприняты конкретные шаги по реконструкции поведения и мышления древнего человека. К слову, в палеопсихологической проблематике имеется прискорбное взаимное невежество: историки не знают работ психо-

логов, а те, как правило, имеют крайне смутное представление об истории. Так, слова о «недостаточно социализированном первобытном охотнике» из отрывка статьи Молчановой и Добрякова, процитированного в самом начале, у историка могут вызвать разве только недоумение: а о каком охотнике идет речь? О палеолитическом кроманьонце, человеке мезолита или о современном бушмене, все еще сохраняющем традиционный образ жизни? Все они – «первобытные охотники», но если палеолитический человек был представителем нашего биологического вида в фазе формирования, то за плечами современного бушмена – те же 150–200 тыс. лет, что и у жителя Москвы.

Конечно, не один Поршневу считал, что историю имеют не только идеи, но и само человеческое мышление, и предпринял попытку реконструкции этой самой истории. Книга «Истоки сознания на закате двукамерного разума» (Jaunes 1976) американского исследователя Дж. Джейнса опубликована на два года позже книги Поршнева. Как и Поршневу, Джейнс был убежден, что архитектоника нервных центров человека сложилась *только* в процессе эволюции уже самого вида *Homo sapiens sapiens*. Но в отличие от Поршнева отправная точка рассуждений Джейнса – функциональная асимметрия мозга.

Джейнс предложил следующую (надо заметить, весьма незамысловатую) схему глоттогенеза: отметив, что численность обезьяньих стай ограничена и составляющие ее особи могут непосредственно слышать и видеть друг друга, он экстраполировал то же качество на первые человеческие группы. Когда численность группы увеличивается, коммуникация становится опосредованной. Соответственно коллективные действия в таких больших группах надо прогнозировать и кодировать (в речевых знаках). Так, по Джейнсу, и возникает язык. (В этом пункте позиции Джейнса и Поршнева расходятся полностью. Поршневу полагал, что первоначально речь не несла вообще никаких знаковых и информативных функций.) Тут можно возразить, что численность первоначальных человеческих коллективов если и превышала численность обезьяньих сообществ, то совсем немного, и этот аргумент, соответственно, не работает.

Для нас важно, что именно данные патопсихологии и нейрофизиологии привели Джейнса к выводу о том, что у человека без рефлексии «припоминание» приказа происходит в форме слуховой галлюцинации: шизофреники слышат «голоса», приказывающие им

сделать нечто, «извне» навязывающие им определенные решения или действия.

Джейнс отметил, что и у современного человека патологические явления нарастают в моменты принятия решения. Сплошь и рядом возникают ситуации, когда человек не может совершить рациональный выбор и полагается на подсказки или извне, или изнутри самого себя. Это и есть «голоса», так хорошо известные всем психиатрам. Джейнс по-новому интерпретировал то обстоятельство, что речевые зоны у современного человека локализованы в левом полушарии мозга, но не в правом. Именно функциональную асимметрию мозга и «голоса», которые слышат психически больные люди, Джейнс считал реликтом «бикамерного мышления». Оно состояло из двух частей: одна была представлена голосами-командами, другая – слушала и исполняла полученные указания.

По Джейнсу, центр речи у древнего человека находился в левом полушарии, а правое было полностью зарезервировано для звуковых команд-галлюцинаций. Такие команды-галлюцинации передавались по комиссуре, соединяющей полушария. У человека она уже, чем у других млекопитающих, для того, чтобы сделать императивное воздействие более концентрированным.

Получается, что галлюцинаторно-звуковой комплекс был в древности заменителем сознания. «Настоящее» сознание могло появиться только в символической среде с устоявшимся метафорическим языком: «Сознание есть работа лексической метафоры» (Jaynes 1976: 58).

По сути дела, Джейнс реконструировал суггестию Поршнева – правда, суггестию уже сугубо человеческую и перенесенную «извне» вовнутрь мышления индивида. Это лишний раз позволяет задуматься над поршневной реконструкцией ранних фаз генезиса речи и мышления. Но необходимо также заметить, что Поршнева говорил о «внешней» суггестии в самом начале эволюции человеческого мышления, а у Джейнса «внутренняя» суггестия отрывается от человечества верхнего палеолита и перемещается во времена куда более поздние.

Но и поздняя суггестия, реконструированная Джейнсом, как и поршневная ранняя, была реализацией связки «команда ⇒ исполнение». К сожалению, и у Джейнса, и у Поршнева реконструкция суггестии остается чисто умозрительной и фактически не опирается ни на какие-либо документальные данные (впрочем, трудно да-

же представить, какие именно документы могли бы послужить доказательством в этом случае).

Долгое время Поршнев, Джейнс и Хамфри, связавший палеолитическое искусство с ранним детским аутизмом (Humphrey 1998), оставались единственными исследователями, осознававшими необходимость обращения к эволюционной патопсихологии и соответственно вообще к психофизиологической проблематике первобытной культуры.

Однако теперь положение начало меняться. Из последних российских публикаций, где психофизиология занимает подобающее место, следует отметить монографию Н. Н. Николаенко (Николаенко 2007). Автор, специалист по нейропсихологии и нейролингвистике, сделал то, что следовало сделать уже давно: он напрямую связал творческий процесс с деятельностью структур мозга, а точнее – с его функциональной асимметрией. Книга Николаенко ценна прежде всего тем, что в ней к сложнейшей нейрофизиологической проблематике изобразительного искусства обращается не искусствовед или археолог, имеющий о ней весьма смутное и всегда фрагментарное представление, а профессионал.

Вывод Николаенко звучит так: «На раннем этапе творческого процесса – этапе замысла – роль правого полушария наиболее существенна. *Правое полушарие* – генератор несловесного зрительно-пространственного мышления, оно оперирует смутными неоречевляемыми образами и komponует их в зрительном пространстве. С помощью иконических знаков (жестикуляции, мимики, пантомимики, танца, рисунка) правое полушарие непосредственно отображает мир, создает перцептивные (зрительные) эталоны, хранящиеся в долговременной памяти правого полушария.

Это во многом неосознаваемая деятельность. В то же время процесс формирования целостных образов неизбежно включает сцепление со словом, обозначающим образ. Мы имеем в виду так называемое комплексное мышление по Выготскому, в котором образ предмета и обозначающее его слово спаяны в единое целое» (Николаенко 2007: 262).

Книга Николаенко не посвящена специально архаическому мышлению; однако анализу памятников первобытного и традиционного искусства (практически единственного аутентичного источника для изучения архаического мышления) посвящены большие ее разделы. Следует отметить, что Николаенко приходит к тому же выводу, что и Поршнев, и Хамфри: «Развитие левополушарной ре-

чи – это исторически самое позднее и сравнительно недавнее приобретение человечества». При этом несколькими строками ниже он специально отмечает, что «развитие такой правополушарной функции, как рисунок, – исторически самое раннее и сравнительно древнее приобретение человечества» (Там же: 37). Иными словами, человек, скорее всего, начал рисовать раньше, чем говорить.

Этот краткий и далеко не полный обзор служит единственной цели – показать, что необходимость эволюционной патопсихологии не только давно назрела, но сама эта дисциплина в своей исторической ипостаси фактически существует по меньшей мере 35 лет. Однако постоянное замалчивание трудов ее основоположника приводит к тому, что современным исследователям приходится создавать ее заново, с чистого листа.

Тем не менее, можно констатировать, что вопреки неблагоприятному «человеческому фактору» та дисциплина, которую мы назвали эволюционной патопсихологией, все же дала определенные результаты. Так, удалось отчасти реконструировать на основе анализа раннего детского аутизма механизм создания изображений в палеолите (Humphrey 1998; Манелис, Горина 2002; Куценков 2008).

Следует отметить, что аутизм, подобно афазиям по Поршневу, вероятно, представляет собой «бесценный источник научных знаний» о генетическом прошлом человеческого мышления. И речь идет не только о палеолите – есть очень веские основания предполагать, что некоторые специфические особенности архаичных и традиционных культур представляют своеобразный атавизм – воспроизведение в рамках традиции того, что когда-то было психической нормой.

Тут нам придется обратиться к изобразительному искусству, которое является единственным аутентичным источником для реконструкции первобытного мышления и психики.

Можно подсчитать, сколько примерно людей жили в эпоху верхнего палеолита на территории, где сосредоточены памятники палеолитического искусства. Первые люди появились в Европе около 40 тыс. лет назад. Закончился палеолит около 12 тыс. лет назад. Примем, как принято в демографии, срок жизни поколения за 30 лет. Соответственно от первоначального заселения до начала мадлена (около 14–15 тыс. лет назад) в Европе жили примерно 833 поколения, т. е. около 3 млн. 300 тыс. человек. Еще 4 млн. жили в эпоху мадлена. Итого максимум 7 млн. 300 тыс. человек за 28 тыс. лет оставили минимум 2,5 тыс. изображений, т. е. одно изо-

бражение приходится на 2920 человек. Если учесть, что до наших дней сохранилась едва ли тысячная часть древнего наследия, то придется признать, что население палеолитической Европы было охвачено настоящей манией рисования. Такое можно объяснить только тем, что в основе этой деятельности лежали органические потребности, неудовлетворение которых, очевидно, угрожало самому существованию вида.

Чтобы понять, что это были за потребности, следует снова обратиться к опыту работы с аутичными детьми. Для них рисование является важнейшим средством аутостимуляции; но не менее важно и то, что именно аутостимуляция является тем средством, при помощи которого взрослые могут помочь аутисту установить нормальные отношения с миром: «Аутичный ребенок “не в порядке” не потому, что он “занимается аутостимуляцией”, а потому, что она не поддерживает его активных отношений с миром; скорее она вынужденно подменяет их, заглушает тот дискомфорт, в котором ребенок живет» (Никольская и др. 2005: 111).

А теперь представим другой мир – «ненормальный» по определению. В нем нет ни психологов, ни педагогов. В известном смысле, нет еще и самого человека...

Речь, конечно, идет о палеолите. Причем уже не только о верхнем, но и о среднем, поскольку некоторые «странности» наблюдаются не только в деятельности неантропов, но и палео-, и даже архантропов. Это употребление огня, единичные погребения, обработанные клыки животных, куски охры и кристаллы, с какой-то целью принесенные на стоянки. К числу самых непонятных с позиций обыденного здравого смысла памятников можно смело причислить чашевидные углубления в скальной поверхности, обнаруженные в пещере Ла Ферраси во Франции и на реке Муррей в Австралии. В 1992 году подобные чашевидные углубления были найдены в пещере Аудиториум в Бхимбетка (Центральная Индия) и датированы финальной фазой нижнего палеолита (Bednarik 1992; 1994a; 1994b). В 1996 году в Дараки-Чаттан, на 400 км юго-западнее пещеры Аудиториум, была найдена скальная поверхность, на которой обнаружено по меньшей мере 500(!) таких углублений. Скорее всего, датируются они также финалом нижнего палеолита (Kumar 1996). Имеются сведения об аналогичных находках в Южной Африке (Ноек 2004: 92–93). Весьма показательно, что на авторство чашевидных углублений в Ла Ферраси могут претендовать и палеоантроп, и *Homo sapiens*, а австралийских – только

Homo sapiens. Индийские чашевидные углубления могли быть сделаны и архантропом, и палеоантропом.

Тут важно, что одна и та же разновидность артефакта с удивительным постоянством воспроизводилась разными биологическими видами в разное время и в разных местах; при этом никому пока не удалось доказать какое-либо утилитарно-хозяйственное значение этих углублений. Говорит это прежде всего о том, что между ископаемым неантропом, палеоантропом и архантропом существенной поведенческой разницы не было. Следующая фаза развития той же тенденции, но отмеченная уже только у *Homo sapiens* – «орнамент», т. е. нанесение на отдельные предметы, плоскости, собственное тело неких абстрактных рисунков, подчиненных определенному ритму (это еще не изобразительное искусство, поскольку изображение как таковое тут отсутствует).

Разумеется, применительно к чашевидным углублениям археологи тут же заговорили о «знаках», «знаковом поведении», «символической деятельности» и т. д. – обо всем, что плохо увязывается с довольно-таки обезьяньими физиономиями их «авторов». И причина столь сильного разгула археологической фантазии лежит именно в плоскости самоочевидной утилитарной бессмысленности чашевидных углублений.

Но если поискать утилитарный смысл за пределами таких задач, как добыча пищи, питья или удовлетворение полового инстинкта, то его все же можно найти. Исходить надо именно из того, что чашевидные углубления, во-первых, действительно не имеют отношения к удовлетворению физиологических потребностей; во-вторых, скорее всего, они связаны со схожим (или одним и тем же) поведенческим комплексом, характерным для всех высших гоминид, включая и архаичного *Homo sapiens* – единственного представителя некогда весьма многочисленного семейства, дожившего до наших дней.

Как мы видели, элемент, уверенно связываемый с аутизмом, присутствовал и в изобразительной деятельности кроманьонца. Так не будет ли логичным предположение, что трудоемкое создание чашевидных углублений было именно аутостимуляцией, характерной для всех разновидностей аутизма? И служило оно тому же, чему служит при общении с современными детьми «подключение» к их аутостимуляции со стороны родителей – установлению контакта. «Помощь такому (аутичному – П. К.) ребенку начинается с попытки направить его аутостимуляцию в нормальное русло, чтобы

поддерживать его активность во взаимодействии с миром посредством приятных впечатлений... переживаемое совместно удовольствие, входя в контекст эмоционального общения, начинало поддерживать ребенка и помогало ему фиксировать новую привязанность» (Никольская и др. 2005: 111).

Но между кем и кем устанавливался контакт в мире палеоантропов и неолитических людей? Ведь, повторим, тогда не было ни педагогов, ни психологов... Единственно возможный ответ гласит, что подключение к чужой персеверирующей аутостимуляции, имитация этой деятельности и – неизбежно – в перспективе превращение ее в ритуал общения служило одной-единственной цели: установлению эмоционального контакта между отдельными особями внутри данной группы. О том, что аутостимуляция именно имитировалась, свидетельствует само количество тех же чашевидных углублений – на сверхтвердых метаморфизированных кварцитах в Дарак-Чаттан их выдолблено более 500, что явно было бы не под силу одной особи, даже вооруженной современными инструментами из твердых сплавов.

Изобразительное искусство – распространенный, но вовсе не обязательный элемент культуры тех архаичных обществ, что были доступны для прямых этнографических наблюдений с конца XVIII века. Но танец, т. е. совместное повторение определенных движений, подчиненных четкому ритму, – явление действительно универсальное. Снова обратимся к опыту реабилитации аутичных детей. «Если контакт с ребенком... установлен, мы можем постепенно насытить наше общее движение в поле разнообразными сенсорными впечатлениями: зрительной и вестибулярной стимуляцией – прыжками, танцем, кружением» (Никольская и др. 2005: 113).

Конечно, археологически невозможно зафиксировать существование танцев (или совместного исполнения ритмически организованных движений) в палеолите: изображения танцующих групп людей встречаются только в мезолитическом и неолитическом наскальном искусстве. Но в поведении современных аутистов изобразительная деятельность и ритмические движения переплетаются настолько тесно, что вполне закономерно предположить то же и в глубокой древности.

Этнологи и антропологи, занятые изучением архаичных и традиционных культур, отмечают свойственную им всем черту: крайнюю скованность личной инициативы индивида, регламентированность всего и вся. Это также находит аналогию в поведении совре-

менных аутистов. К примеру, исследователи социокультурного феномена индийской касты неоднократно и единодушно отмечали, что она регламентирует *всю* деятельность индивида с самого момента рождения до смерти: «В период детства, ученичества и зрелости она предписывает правила сосания, прихлебывания, питья, еды и опорожнения; правила омовения, полоскания, умащивания и загрязнения. Она определяет, как человек должен одеваться, украшать себя, как он должен сидеть, подниматься, наклоняться, как двигаться, как ходить в гости, как путешествовать, говорить, читать, слушать, молиться; как созерцать, петь, работать, играть или драться» (Куценков 1983: 76–77).

Африканские традиционные общества в этом смысле ничем решительно не отличались от Индии: «У ланго в Уганде женщины под угрозой бесплодия не могли прикасаться к шкуре некоторых антилоп, есть определенные виды овощей и диких плодов. В лесу и мужчинам, и женщинам запрещалось находиться в тени отдельных деревьев, переступать через пересекающие лесную тропу корни, перешагивать через упавшие стволы. Ожидающая ребенка женщина должна была избегать загонов для скота, домов, где имели место роды. У замбийских ланда не дозволялось, к примеру, вносить в деревню череп убитого в лесу муравьеда. Он должен был оставаться на месте охоты. При перенесении деревни на новое место нельзя было разводиться огонь от старого очага, огонь следовало получать с помощью специальных палочек» (Иорданский 1982: 158).

Неоднократно отмечался в этнологической и исторической литературе и постоянный страх перед возможностью нарушить все эти запреты и предписания. Он сопровождал человека всю жизнь: «Сделаешь запретное – умрешь, даже не потому, что за это убьют, а от страха перед самим табу» (Дьяков и др. 1983: 47).

Страх этот принимает разнообразные формы. В Индии это ужас перед возможным осквернением, в Тропической Африке – страх перед колдовством (уязвимость перед ним тоже может быть связана с осквернением, ритуальной нечистотой). Согласно представлениям всех африканских народов, колдун – это иррациональное сосредоточение всяческого зла, «психическое чудовище, со-знающее или не сознающее свою сверхъестественную вредоносную власть над людьми. Не понимая своего состояния, колдун узнает о нем из общественного обвинения...» (Оля 1976: 148).

Но вне зависимости от того, осознает колдун свою силу или нет, степень его вредоносности поистине не знает границ. Можно

утверждать, что колдуны персонифицируют практически все возможные фобии. «*Баефве* у бауле-анья, *зоазан* у гуру и *ндеува* у сенуфо непрерывно вмешиваются в жизнь человека и целых групп людей, создавая массу больших неприятностей: превращаясь в хищников, они нападают на людей, заблудившихся в лесу; в виде грызунов и обезьян они уничтожают посевы; они часто вызывают болезни, вводя в тела своих близких кусочки железа, камушки, стеклянные осколки, цепочки, когти, усы леопарда; набрасываясь на печень какого-либо человека, они обрекают его на медленную смерть» (Там же: 148–149).

Попытки увидеть за многочисленными табу какую-либо систему оказались несостоятельными. Единственное, что объединяет все эти запреты, – четко прослеживаемая закономерность: чем архаичнее культура, тем плотнее закрыта она от окружающего мира, тем в большей степени скован ее носитель «тотемами и табу», а равно и ужасом перед возможностью эти табу нарушить. Напрашивается вывод, что на заре человеческой истории эта скованность достигала своего возможного максимума.

Таким образом, стереотипность и ритуализация поведения являются неотъемлемой чертой архаичных культур. Любой выход за пределы ритуалов, даже сама возможность нарушить какое-то из многочисленных предписаний вызывало у архаичного человека страх, принимавший самые разные формы. Но совершенно те же качества присущи и аутистам: «Обычна особая избирательность в еде, в одежде, фиксированные маршруты прогулок, пристрастия к определенным занятиям, предметам, особый строгий ритуал в отношениях с близкими, многочисленные требования и запреты, невыполнение которых влечет за собой срывы в поведении ребенка» (Никольская и др. 2005: 44).

Весьма примечательны и причины возникновения страхов: «Он (ребенок – П. К.) может испытывать как генерализованную тревогу, так и определенные локальные страхи. Источником первого состояния является не какая-то определенная ситуация, не конкретный объект, а нарушение привычного порядка существования, изменение деталей окружающего, способа поведения близкого человека» (Там же: 183).

Иными словами, тревогу у аутичного ребенка вызывает, как и у носителя архаичной культуры, сама возможность выйти за пределы раз и навсегда установленного ритуала, ритма, регламентирующего всю его жизнь. Очень вероятно, что начало сложения этих ритмов,

позволявших первобытным стадам сплотиться в какое-то подобие общины, следует искать в имитации аутостимуляции, находившей выражение сначала в воспроизведении неких действий (в том числе и утилитарно бессмысленных), затем в имитации ритмических телодвижений и т. д.

Пока еще никому не удалось доказать, что психофизиология сохранившихся до наших дней архаичных народов хоть чем-то отличает их от современных европейцев или североамериканцев. Соответственно следует сделать вывод: архаичные черты мышления и поведения консервируются только культурой. Именно культура порождает такое состояние индивида, когда его психофизиология уже ничем решительно не отличается от психофизиологии «цивилизованных» народов, но мышление и поведение действительно воспроизводят то мышление и поведение, что было характерно для определенного этапа эволюции нашего биологического вида – *Homo sapiens sapiens*.

Конечно, все описанные в этой статье факты и совпадения не позволяют в полной мере реконструировать поведение и мышление архаичного *Homo sapiens* и тем более палеоантропов и архантропов. Возможно, что такая задача невыполнима в принципе. Вместе с тем не вызывает сомнения, что изучение детского аутизма, как и иных психических патологий, способно пролить свет на древнейшее прошлое человечества.

Литература

Бернштейн, Н. А. 1997. О построении движений. В: Бернштейн, Н. А., *Биомеханика и физиология движений*. М. – Воронеж: Ин-т практической психологии.

Долуханов, П. 1999. «Чуждый», «чужой» и археология. *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья*. М.: Алетея.

Дьяков, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.) 1983. *История Древнего мира*. Т. I. *Ранняя древность*. М.: Наука; ГРВЛ.

Иорданский, В. Б. 1982. *Хаос и гармония*. М.: Наука; ГРВЛ.

Куценков, А. А. 1983. *Эволюция индийской касты*. М.: Наука; ГРВЛ.

Куценков, П. А. 2008. Память и искусство палеолита. *Историческая психология и социология истории* 1: 142–158.

Манелис, Н. Г., Горина, И. С. 2002. Анализ рисунков детей аутистов. *Интернет-конференция «А. Р. Лурия и психология XXI века»*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>

Молчанова, Е. С., Добряков, И. В. 2008. Идеологический кризис в психиатрии: психопатология как адаптация и как эволюционный регресс. *Историческая психология и социология истории* 1: 159–168.

Николаенко, Н. Н. 2007. *Психология творчества*. СПб.: Речь.

Никольская, О. С., Баенская, Е. Р., Либлинг, М. М. 2005. *Аутичный ребенок: пути помощи*. М.: Теревинф.

Оля, Б. 1976. *Боги Тропической Африки*. М.: Наука; ГРВЛ.

Поршнев, Б. Ф. 2007. *О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)*. СПб.: Алетейя.

Формозов, А. А. 2005. *Человек и наука: Из записей археолога*. М.: Знак.

Bednarik, G. R.

1992. Ancient images, ancient thought: the archaeology of ideology. In Goldsmith, S., Garvie, S., Selin, D., and Smith, J. (eds.), *The Palaeolithic Art of Asia. Proceedings of the 23rd Annual Chacmool Conference* (pp. 383–390). Calgary: University of Calgary.

1994a. Art Origins. *Anthropos* 89: 168–180.

1994b. The Pleistocene Art of Asia. *Journal of World Prehistory* 8(4): 351–375.

Hoek, M. van. 2004. New Cupule Site in the Free State, South Africa. *Rock Art Research* 1: 92–93.

Humphrey, N. 1998. Cave Art, Autism, and the Evolution of the Human Mind. *Cambridge Archaeological Journal* 8(2): 165–191.

Jaynes, J. 1976. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston: Houghton-Mifflin.

Kumar, G. 1996. Daraki-Chattan: a Palaeolithic cupule site in India. *Rock Art Research* 13: 38–46.

Mercader, J., Barton, H., Gillespie, J., Harris, J., Kuhn, St., Tyler, R., Boesch, Chr. 2007. 4300-year-old Chimpanzee Sites and the Origins of Percussive Stone Technology. *Proceedings of National Academy of Sciences*, Vol. 104(9), February 27: 3043–3048.

Pruetz, J. D., Bertolani, P. 2007. Savanna Chimpanzees, Pan Troglodytes Verus, Hunt with Tools. *Current Biology* 17(5, 6): 412–417.